

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-40-46

Д. Л. Рясов¹*«Дом Н. В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»*

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА И Н.В. ГОГОЛЯ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

В статье проводится подробное сопоставление эпизодов из произведений Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина, где фигурируют персонажи немецкого происхождения. Показано, что Гоголь во многом следовал пушкинской традиции изображения немецких типажей. Так, наличие мотива сна, авторской иронии и разрушения иллюзий роднит повести «Гробовщик» и «Невский проспект», но в гоголевском изображении – окарикатуривание немцев. Сходство может быть объяснено на типологическом и поэтическом уровнях. Выведенные авторами образы во многом предопределили дальнейший подход к раскрытию немецкой темы в русской литературе.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Германия, немцы, национальный стереотип.

D. L. Riasov*"House of N. V. Gogol – the memorial museum and scientific library"*

GERMAN THEME IN THE WORKS OF A.S. PUSHKIN AND N.V. GOGOL: TO THE QUESTION ABOUT PROBABLE PARALLELS

The article provides a detailed comparison of episodes from the works of N. V. Gogol and A. S. Pushkin, where characters of German origin appear. It is shown that Gogol to a great extent followed the Pushkinian tradition of depicting German types. Thus, the presence of the dream motif, the author's irony and the destruction of illusions make the novels "The Undertaker" and "Nevsky Prospect" related, but in Gogol's depiction it is a caricature of the Germans. The similarity can be explained at the typological and poetic levels. The images deduced by the authors largely predetermined the further approach to the disclosure of the German theme in Russian literature.

Keywords: N. V. Gogol, A. S. Pushkin, Germany, Germans, national stereotype.

Неоднократно отмеченное исследователями влияние произведений А. С. Пушкина на творчество и, в целом, на мировоззрение Н. В. Гоголя проявлялось в самых разных, подчас неожиданных, деталях. С творчеством великого поэта будущий автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» познакомился еще в гимназические годы. Важным этапом его биографии стала последующая личная встреча с Пушкиным, состоявшаяся весной 1831 г. По собственному признанию Гоголя, в дальнейшем старший современник подарил ему идеи

¹ Даниил Леонидович Рясов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом Гоголя».

нескольких произведений, впоследствии ставших классическими. На этом фоне гоголевские слова из письма П. А. Плетневу (от 16 марта 1837 г.) воспринимаются как хрестоматийные: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою» [Гоголь, т. XI, с. 88]². Тем интереснее пристально рассмотреть и сопоставить наследие обоих авторов, обращая внимание на отдельные аспекты их литературного труда и, в частности, на отражение немецкой тематики в их творчестве.

Проблема взаимоотношений русских и выходцев из Германии была весьма актуальна в 1-й пол. XIX в., и авторы просто не могли не осветить ее. Это подтверждает занимательное высказывание Пушкина в письме Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 г. Поэт делится впечатлениями после читки комедии Н. И. Хмельницкого «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе» автором и сообщает: «...услыша стих “И должно Честь отдать, что немцы аккуратны”, я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе всё захлопает и захохочет» [Пушкин, т. X, с. 50]. Подобные оценки, зачастую основанные на национальных стереотипах, нередко появлялись в литературе той эпохи.

Богатый опыт личного общения с представителями немецкой нации имелся у обоих авторов, начиная с ученичества. Так, русский язык Пушкину некоторое время преподавал педагог по фамилии Шиллер. Гоголь же, вспоминая Нежинскую гимназию, упоминал о колоритной фигуре надзирателя Е. И. Зельднера. Очевидно, на время обучения пришлось и первое серьезное знакомство будущих писателей с немецкой философией, наукой и искусством, которое принесло определенные плоды.

Интересно, что впоследствии и Гоголь, и Пушкин в своих публицистических работах весьма положительно отзывались о трудах А. Л. Шлецера, чьи исследования по истории считались одними из самых авторитетных. В статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (1835) Гоголь отмечал умение Шлецера сжато, но очень точно излагать события при описании Всеобщей истории. Пушкин же в своей поздней неопубликованной статье, посвященной «Слову о полку Игореве», счел необходимым привести мнение ученого относительно происхождения знаменитого памятника: «Великий критик Шлецер, не видав “Песни о полку Игореве”, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением» [Пушкин, т. VII, с. 344]. Гоголь также характеризует ученого не просто как историка (даже несколько провокационно уточняя, что он не мог им быть), но как «философа-критика, всегда почти резкого и недовольного» (VIII, 89). Любопытно, что оба автора используют по отношению к Шлецеру определение *критик*, признавая его не просто специалистом, умеющим грамотно и верно интерпретировать факты, но и чутким к слову мастером.

² Далее везде цитируется по этому изданию, указывая в круглых скобках после цитаты том – римской цифрой, страницу – арабской.

И Пушкина, и Гоголя, конечно же, коснулась и мода на немецкую романтическую литературу, которая активно переводилась на русский язык и публиковалась в журналах соответствующей направленности. В той или иной форме оба автора впоследствии переосмысливали это увлечение. Так, Владимир Ленский – герой пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» – выпускник Геттингенского университета, буквально взращенный на немецкой литературе, при этом имеет наивные возвышенные понятия о мире, дружбе и добродетели. Этот вольнолюбивый «Красавец, в полном цвете лет, / Поклонник Канта и поэт» [Пушкин, т. V, с. 33] в чем-то пародирует некоторые романтические штампы. Интересно, что к его образу отчасти близок заглавный герой ранней подражательной поэмы Гоголя «Ганц Кюхельgarten» (1829), вышедшей под псевдонимом В. Алов.

Действительно, судьбы персонажей во многом схожи. Во-первых, в романе сообщалось, что окружение изначально предрекало Ленскому личное счастье с Ольгой: «Он разделял ее забавы, / И детям прочили венцы / Дружья-соседи, их отцы» [Пушкин, т. V, с. 39]. В поэме родные Луизы, возлюбленной Ганца Кюхельгартена, также счастливы принять его в свою семью: «Любезная, прекрасная чета! Мила моя веселая Луиза, / Прекрасен и умен, и скромнен Ганц; / Сотворены они уж друг для друга / И счастливо свою жизнь проведут» (I, с. 75), – умильно замечает пастор, дед героини. Однако в дальнейшем мысли молодого героя начинают занимать «Платон и Шиллер своенравный, / Петрарка, Тик, Аристофан, / Да позабытый Винкельман» (I, с. 84), и юноша покидает свою немецкую деревню, чтобы посетить Индию, Грецию и другие страны, далекие и притягательные. Схожая ситуация в романе: Ленский отправился из России в германские земли: «Он с лирой странствовал на свете; / Под небом Шиллера и Гете / Их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем» [Пушкин, т. V, с. 34]. Итог путешествий героев один: они возвращаются в родные места и, фактически, оба приходят к тому, с чего начали. Дальнейшая печальная история Ленского не требует комментариев, однако автор с иронией предсказывает один из вариантов судьбы своего персонажа: «Во многом он бы изменился, / Расстался б с музами, женился, / В деревне счастлив и рогат / Носил бы стеганный халат» [Пушкин, т. V, с. 117]. А Ганц, хотя и женится на возлюбленной, при этом ощущает некоторую горечь по отношению к несбывшимся мечтам: «Прощаясь с ними, он навек, – / Как бы по старом друге верном, / Грустит в забвении усердном» (I, с. 99).

Таким образом, романтические взгляды и странствия не принесли полноценного счастья ни Владимиру, не сумевшему по-настоящему раскрыть свой потенциал после возвращения из Германии, ни Ганцу, разочаровавшемуся в своих исканиях. И Гоголь явно пытался объяснить подобный поворот судьбы героя. По его мысли, человеку, желающему добиться известности, «яркой доли», недостаточно только романтических грез, а нужны и благородная, высшая цель, и «железная воля» в душе (о чем прямо заявлено в главе поэмы под названием «Дума»). Но, как выясняется, Ганцу не подходит этот путь: он один из тех, кому проще «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать...» (I, с. 95).

Сам же автор, судя по всему, стремился к оптимальному варианту развития событий. Как сказано в эпилоге идиллии, его Германия («воздушных призраков страна», которую бережет «великий Гете»), – не столько притягательная область на карте, сколько мир смелых и мудрых мыслителей, чьи воззрения могут направить целеустремленного человека в верном направлении. Тем не менее, жизнь гораздо прозаичнее, и вскоре после разгрома критикой идиллии «Ганц Кюхельгартен» Гоголь стал постепенно разочаровываться в своих юношеских взглядах на Германию и немцев.

В 1835 г. выходит повесть «Невский проспект», представившая уже совсем других, во многом карикатурных германцев. При этом в ней можно обнаружить сходство с некоторыми эпизодами пушкинского «Гробовщика» (1831), где, помимо прочего, был показан быт московских немцев-мастеровых во главе с сапожником Готтлибом Шульцем, зашедшим представиться к новому соседу – гробовщику Адриану Прохорову. Интересно, что Пушкин намеренно не приводит описание гостя, считая таковое, по всей видимости, избыточным: «Дверь отворилась, и человек, в котором с первого взгляду можно было узнать немца ремесленника, вошел в комнату» [Пушкин, т. VI, с. 82]. Схожим образом Гоголь характеризует жестящика Шиллера, ограничиваясь лишь одним представлением своего героя, фамилия которого красноречива сама по себе.

Подчеркнуто, что пушкинский сапожник говорит «тем русским наречием, которое мы без смеха доньше слышать не можем» [Там же]. Однако сами его фразы написаны без всяких искажений: можно предположить, что автор дал возможность читателям самим додумать ломаное произношение с немецким акцентом. Гоголь же довольно ярко показывает, что Шиллер слабо владеет русским языком. Вот, например, фрагмент его обращения к Пирогову: «Мой сам <...> будет офицер – полтора года юнкер, два года поручик, и я завтра сейчас офицер. Но я не хочу служить. Я с офицером сделаю так: фу!» (III, с. 38). А позднее уже сам Пушкин использует подобный прием в повести «Капитанская дочка» (1836), передавая речь генерала Андрея Карловича Р., возмущавшегося после прочтения письма от отца Петра Гринева: «Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?» [Пушкин, т. VI, с. 272–273]. Кстати, дальнейшее указание на исключительную скупость генерала вновь позволяет сопоставить его с гоголевским Шиллером, лихорадочно высчитывавшим свои затраты на табак. «Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за свою холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон» [Пушкин, т. VI, с. 273], – сетует Гринев.

Отсутствие такого же ярко обозначенного акцента у Готлиба Шульца и других немцев в повести «Гробовщик» может свидетельствовать об иной пушкинской задумке: расположить читателей к этим персонажам в начале повести. Действительно, сапожник ведет себя весьма приветливо и быстро находит общий язык с Адрианом; затем приглашает его к себе – на празднование серебряной свадьбы. К тому же само имя «Готлиб» означает «любящий Бога», а жену Шульца зовут Луизой, что, как и в случае с возлюбленной «Ганца Кюхельгартена», может отсылать к одноименной идиллии И. Г. Фосса – пасторальной зарисовке с добродетельными героями.

Отметим, что в прозе Пушкина это не единственный случай, когда русский персонаж находит взаимопонимание с героем германского происхождения. В повести «Станционный смотритель» притворявшийся больным гусар, по всей видимости, сговорился с местным лекарем (типичная профессия иностранца – в реалиях 1-й пол. XIX в.). Пообщавшись с пациентом на немецком языке, врач подтвердил мнимые симптомы его болезни, после чего оба отужинали «с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольные друг другом» [Пушкин, т. VI, с. 93]. Конечно, в данном случае не последнюю роль сыграла материальная сторона вопроса, но и, видимо, некая договоренность была достигнута. Если же говорить о Гоголе, то ему (по крайней мере, в период работы над «Невским проспектом») было куда сложнее поверить в возможность гармоничного общения между русским и немцем из-за ярко продемонстрированной существенной разницы в менталитетах.

Но вернемся к повести «Гробовщик». На празднике все приглашенные немцы обильно выпивают. Пьянство мастеровых является стереотипной чертой, встречающейся также и в гоголевском тексте: уже при первом появлении Шиллера и Гофмана читателю прямо сообщается об их нетрезвом состоянии. Тем не менее, застолье у Шульца проходит весьма неплохо, да и сам гробовщик Прохоров остается доволен торжественным вечером, пока не слышит злополучный тост чухонца Юрко: «За здоровье твоих мертвецов» [Пушкин, т. VI, с. 84]. Неосторожно брошенная фраза, логично вытекающая из предложения немецких мастеров выпить за тех, на кого они работают, побуждает Адриана в сердцах пригласить к себе «покойных клиентов», и они, в конечном итоге, посещают его. Как подмечено С. Г. Бочаровым, «гробовщик себя чувствует ближе к неживым благодетелям, нежели к коллегам, которые над ним смеются» [Бочаров, 1974, с. 220]. В данном контексте немцы, после встречи с которыми последовала небывальщина, начинают казаться уже не столь дружелюбными, а возможно, и связанными с творящейся чертовщиной. Ведь, согласно очередному стереотипу, образы немцев нередко связывались с демоническим началом: вспомним тех же гоголевских чертей «на немецких ножках» (I, с. 188) и прочие подобные упоминания.

А. Б. Ботникова указывает, что «общий колорит рассказа, близкое соседство тайны смерти с заурадной обыденностью, освещенной вдобавок ко всему откровенной иронией писателя, использование мотива сна с восставшими из гроба мертвецами, – всё это в какой-то мере может напомнить создания Гофмана» [Ботникова, 1970, с. 95]. При этом всё таинственное и якобы мистическое нивелируется пробуждением героя ото сна, сопровождающимся многочисленными бытовыми подробностями: «Что ты, батюшка? не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у ты не прошел? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа» [Пушкин, т. VI, с. 87]. Таким образом, все читательские догадки и атмосфера тайны оказываются разрушены. По мнению Ботниковой, в данной повести Пушкин вступает в своеобразный спор с поэтической системой Гофмана.

В этом отношении также показательно сравнение с повестью «Невский проспект». Обратим внимание на композиционные решения обоих текстов. В

повести «Гробовщик» эпизод с участием немцев-мастеровых предшествует описанной в романтическом ключе сцене сна, а последующее пробуждение расставляет все точки над *i*, доказывая несостоятельность фантастического восприятия повести. У Гоголя же сны молодого мечтателя, фактически разорвавшего связь с объективной действительностью, прекращаются с его гибелью. Через некоторое время после этого эпизода на первый план выходят немцы, показанные в довольно негативном свете, но приземленные и лишенные всякой связи с романтическими стереотипами. Известные фамилии – Шиллер, Гофман, Кунц (последняя, кстати, действительно принадлежала человеку, который много лет был издателем Э. Т. А. Гофмана) – еще сильнее подчеркивают нежизнеспособность романтического мироощущения в условиях суровой реальности.

Следующая повесть Пушкина, обращающая на себя внимание немецкой темой, – «Пиковая дама». Ее герой – Германн, «сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал» [Пушкин, т. VI, с. 218]. То есть и само имя героя убеждает в его происхождении, о чем неоднократно упоминается в тексте. Так, по словам Томского, «Германн немец: он расчетлив, вот и всё!» [Там же, с. 211]. Вот герой заботливо готовит для Лизаветы Ивановны письмо, которое «слово в слово было взято из немецкого романа» [Там же], – и не знакомая с оригиналом девушка вполне довольна этим письмом. Тем не менее, упоминая традиционную немецкую расчетливость не вполне сочетается с итоговым выбором героя – довериться иррациональному и мистическому. Возможно, виной всему оказалась русская часть души этого персонажа: внутренние противоречия погубили Германна, и помещение в лечебницу оказалось для него исходом вполне закономерным.

В противовес ему другой картежник – Кругель из пьесы Гоголя «Игроки», наоборот, самолично заявляет следующее: «Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки» (V, с. 76), – фактически отказываясь принимать свою связь с исторической родиной. Кроме того, он, в отличие от Германна, не испытывает каких-то внутренних метаний и, что немаловажно, не является одиночкой. При этом у него также есть особая роль в игре, которой он благополучно придерживается.

Уточним: по справедливому замечанию С. А. Мартяновой, пушкинский герой немецкого происхождения «далеко не исчерпывается этой характеристикой, корни его трагедии не в национальных чертах и свойствах» [Мартянова, 2014, с. 53]. Исследовательница отсылает к словам Ф. М. Достоевского, который «назвал Германна колоссальным “художественным типом”, не русским и не немецким, подчеркнув общечеловеческое содержание образа» [Там же]. Действительно, стоит уточнить, что национальные стереотипы во многом ограничивают, упрощают суждения о личности человека, при этом, к сожалению, довольно плотно и надолго закрепляясь в массовом сознании. Интересно, что в гоголевской комедии подобные недалёковидные представления успешно эксплуатируются Кругелем и его подельниками-шулерами во время игры. Как указывает К. М. Захаров, «набывающие оскомину “немецкие” шуточки, скорее всего, являются постоянной уловкой компании» [Захаров, 2016, с. 62], а недоверие к подозрительному немцу успешно отвлекает внимание противника.

В завершение стоит признать, что значительная часть обозначенных примеров сходства может быть объяснена на типологическом и поэтическом уровнях. При этом, однако, нельзя не заметить, что Гоголь во многом следовал пушкинской традиции изображения немецких типажей. Это выражалось в постепенном стремлении уйти от романтических штампов и характеризовать персонажи преимушественно в реалистическом ключе, хотя и с элементами гиперболы. Разумеется, глядясь в образы немцев, изображенные Пушкиным и Гоголем, можно усмотреть немало разного рода черт национальных стереотипов. Тем не менее, это образы самобытные, живые, яркие. Именно они во многом предопределили в будущем подход многих авторов к раскрытию немецкой темы в русской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ботникова, А. Б. Пушкин и Гофман (к вопросу литературных взаимосвязей) / А. Б. Ботникова // Пушкин и его современники / ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Псков, 1970. – Уч. зап. Т. 434. – С. 148–160.

Бочаров, С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) / С. Г. Бочаров // Контекст. 1973. Лит.-теорет. исследования / ИМЛИ АН СССР. – Москва: Наука, 1974. – С. 196–230.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Захаров, К. М. Аделаида Ивановна Кругель / К. М. Захаров // Известия Саратов. Ун-та. Нов. Сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 60–62.

Мартьянова, С. А. Образ Германа в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»: национальное и общечеловеческое / С. А. Мартьянова // Вестник ННГУ. – 2014. – № 2 (2). – С. 53–57.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – 4-е изд. – Ленинград: Наука, 1977–1979.

REFERENCES:

Bocharov, S. G. O smysle «Grobovshchika» (K probleme interpretacii proizvedeniya) / S. G. Bocharov // Kontekst. 1973. Lit.-teoret. Issledovaniya / IMLI AN SSSR. – Moskva: Nauka, 1974. – S. 196–230.

Botnikova, A. B. Pushkin i Gofman (k voprosu literaturnyh vzaimosvyazej) // Pushkin i ego sovremenniki / LGPI im. A. I. Gercena. – Pskov, 1970. – Uch. Zap. T. 434. – S. 148–160.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / N. V. Gogol'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

Mart'yanova, S. A. Obraz Germanna v povesti A. S. Pushkina «Pikovaya dama»: nacional'noe i obshchechelovecheskoe // Vestnik NNGU. – 2014. – № 2 (2). – S. 53–57.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. – 4-e izd. – Leningrad: Nauka, 1977–1979.

Zakharov, K. M. Adelaida Ivanovna Krugel' / K. M. Zaharov // Izv. Sarat. Unta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. – 2016. – № 1. – S. 60–62.